

ности указывают на метакоммуникативный характер дискурса образования: в ходе дискурсивной практики коммуниканты не только сообщают нечто, но и сообщают о самих сообщениях.

Итак, проблема, с которой сталкиваются исследователи феномена softpower, по всей видимости, лежит, в том числе, в плоскости институциональных дискурсов, поскольку последние с очевидностью реализуют стратегии мягкой власти, основанной не на прямом принуждении и подчинении, а на вовлечении реципиентов в смысловое поле имманентных институту дискурсивных практик. «Коммуникативный порядок» современного социального института как системы норм и конвенций социальных действий актуализируется в конституируемых ею дискурсивных практиках мягкой власти. При этом у каждого институционального дискурса есть некоторая специфика, «подчинённая», тем не менее, общему правилу «вовлечённой коммуникации».

1. Най, Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике [Текст] / Дж. Най. – М.: Тренд, 2006.

2. Русакова, О.Ф. Современная политическая философия [Текст] / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012.

3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. – М.: AdMarginem, 1999.

1. Naj, Dzh. Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike [Tekst] / Dzh. Naj. – M.: Trend, 2006.

2. Rusakova, O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya [Tekst] / O.F. Rusakova. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012.

3. Fuko, M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Tekst] / M. Fuko / Per. s fr. V. Naumova, pod red. I. Borisovoj. – M.: AdMarginem, 1999.

SOFT POWER OF INSTITUTIONAL DISCOURSES: A COMMUNICATIONAL DIMENSION

Evgeny Alexandrovich Kozhemyakin,

Belgorod National Research University,
Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations,
Doctor of philosophy,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Annotation

The paper discusses the general communicational features of institutional discourses in terms of soft power they produce. The author observes the institutional variations of communicational strategies of interpellation of addressees into the conventionalized meanings field. The paper is based on the examples of political, religious, juridical and pedagogical discourses.

Key words:

soft power, institutional discourse, political discourse, religious discourse, juridical discourse, pedagogical discourse.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ПРОГРЕССОРА КАК УСЛОВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ*

Мартьянов Виктор Сергеевич,

кандидат политических наук,
ученый секретарь Института философии и права УрО РАН,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Аннотация

Концепция «гибкой силы» (soft power) является воскрешением грамшианской теории культурной гегемонии, только применительно не к политическому пространству наций, а к глобальному политическому порядку. Здесь гибкая сила является формой мягкой гегемонии, направленной на культурное продвижение и легитимацию «жестких» политических интересов. Представляется, что концепция гибкой силы актуализируется в глобальном мире, прежде всего, как способ компенсации (часто лишь символической и риторической) ослабления экономической и военной мощи мировых и региональных гегемонов.

Ключевые слова:

гибкая сила, культурная гегемония, символическая политика, прогрессор, многополярность.

Многополярность и глобальный дефицит нормативной политики

Глобальный дефицит нормативной политики состоит в том, что любые гегемоны мировой политической системы, гарантирующие эти нормы, временны. В глобальном контексте национальные государства перестают быть единственными и привилегированными субъектами выработки политических норм. Различные межгосударственные организации – ООН, МВФ, МБРР, ВТО, Европейский суд, Международный уголовный суд, система Интернет и др. – постепенно выходят из под опеки инициировавших их государств, прежде всего США. Они обретают в глобальном мире все больший символический капитал, дистанцируясь от интересов своих первоначальных инициаторов. Эти организации все эффективнее действуют в собственных интересах, автономия от наций является их главной ценностью. Они часто встают над логикой интересов территориальных государств и ТНК, поэтому последние охотно отдают им часть своего суверенитета, либо функции арбитража в спорах с другими государствами.

Аналогичный эффект демонстрируют и другие автономные организации и объеди-

нения в области права, экономики и политики, создающие дееспособные сети негосударственного регулирования правовых, экономических и политических взаимодействий разнородных субъектов – государства, ТНК, сети городов и др. Отчасти это прообразы глобальных финансовых, правовых, производственных стандартов, которым государства, включенные в глобальный мир, вынуждены следовать. Становящаяся логика глобальных стандартов и космополитических ценностей неуклонно дистанцируется от институтов и субъектов, когда-то их породивших. Например, Ш. Эйзенштадт отмечает, что «гегемон [США] утратил монополию на свою собственную легитимацию, а также на легитимацию нового глобального порядка... Национальные и революционные государства уже более не воспринимаются в качестве основных носителей культурной программы современности, базовых структур коллективной идентичности и основных регуляторов всевозможных идентичностей второго порядка. Таким образом они уже более не находятся в тесной связи с особой культурной или цивилизующей программой» [21]. Во многом это утверждение справедливо не только в отношении США, но и для всех современных наций в тех случаях, когда их

* Статья подготовлена при поддержке проекта ориентированных фундаментальных исследований УрО РАН №13-6-009-СГ «Евразийские взаимодействия в XXI веке: роль Большого Урала».

национальные интересы самым непосредственным образом разотождествляются с интересами человечества в целом.

Однако ни исторические, ни актуальные империи и гегемоны мировой политической системы, идущие к закату, никогда не хотят смириться с подобным положением дел. Вместе с тем, любая гегемония натывается на противодействие множества других национальных интересов. Поэтому политическая и экономическая гегемония для своей легитимации предполагает широкий культурный, нормативный импорт институтов и ценностей в полупериферийных и периферийных странах капиталистической миросистемы, в отношении которой она осуществляется.

Таким образом, чтобы компенсировать текущую ситуацию с: а) уменьшением своего экономического и политического влияния в глобальном мире, хотя бы на уровне массовых представлений, а также б) ростом влияния альтернативных политических субъектов – других государств, их союзов, сетей мировых городов и ТНК, – в научный оборот вводятся все новые теории, призванные доказать, что доминирующие субъекты мировой политики еще не растратили своих властных ресурсов. Одной из таких широко продвигаемых концепций поддержания легитимности мировой гегемонии является «гибкая сила» (soft power) [14]. В подобном виде «гибкая сила» или «мягкая власть», связанная с именем Дж. Ная, является воскрешением грамшианской теории культурной гегемонии доминирующего класса, только применительно не к государствам, а к международным отношениям. Если согласно Грамши функцию прямого господства осуществляет властный аппарат государства, представляющий «политическое общество» в целом, то культурную и идейную гегемонию осуществляет наиболее сильная группа «гражданского общества» [5, с. 332]. Поскольку в международных отношениях глобальное государство с его прямым легитимным насильственным господством отсутствует, можно говорить лишь о гегемонии, которую в отношении мирового политического порядка выполняют доминирующие в нем государства и их коалиции.

В данном контексте понятие гибкой силы возникает, прежде всего, как способ символической компенсации ослабления экономической и военной мощи империй-гегемонов. Его аналоги

можно легко найти в политическом дискурсе империй, идущих к своему историческому закату – Великобритания, СССР, США. Собственно и сама изначальная грамшианская идея культурной гегемонии расширенного интеллектуалами рабочего класса была компенсаторной. Она стала реакцией на не оправдавшиеся марксистские прогнозы об усилении политического и экономического значения рабочего класса в современных капиталистических обществах.

Гибкая сила призвана создавать не только позитивный, привлекательный культурный образ страны, легитимирующий ее право на господство, но и, что гораздо важнее, – поддерживать определенную нормативную политику, которая содержит в себе значимый элемент долженствования. В международных отношениях существуют три основных подхода к реализации потенциала мягкой силы: реализм, идеализм и конструктивизм. Реализм связан с представлением о политике как борьбе сил и ресурсов, где ценности являются всего лишь продолжением интересов, используются не как цели, но как средства. В рамках реализма мягкая сила рассматривается лишь как зависимая проекция военной и экономической мощи в область культуры. Идеализм предполагает безусловность ценностей в политике, а политику, опирающуюся на нормы, рассматривает как наиболее эффективную и выгодную в долгосрочной перспективе. Поскольку соотношение сил, ресурсов и значимых акторов постоянно меняется, в то время как нормы и идеалы могут оставаться неизменными. Проблемой здесь является то, что идеализм предполагает автономию и даже более – приоритет нормативной политики над «реальностью интересов». Наконец, поскольку реализм и идеализм представляют классические «идеальные типы» М. Вебера, в политической практике чаще всего мы имеем дело с конструктивизмом как смешением принципов реализма и идеализма. Он предполагает, что в долгосрочной перспективе важны все ресурсы: и сила, и ценности, образующие эффективное сочетание soft и hard power. При этом ценности могут искусственно конструироваться и императивно порождать новые институциональные реалии, а трансформация повседневности, научных знаний, технический прогресс, в свою очередь, приводят к постоянной переоценке политических принципов и ценностей.

Следует признать, что реализация мягкой силы всегда связана с компромиссами целей и обстоятельств, сущего и должного. Этому способствуют центробежные процессы, разворачивающиеся в позднемодерной капиталистической миросистеме, в результате которых: а) космополитический Модерн часто растворяется в множественной модерности [13]; б) универсальная кантовская этика принципов уступает место этике добродетелей, адаптированных к культурным традициям, социальным практикам и институциональной инерции локальных обществ [19], в) логика сходств уступает место дифференциации и значимости различий; г) интегративные импульсы центров мироэкономики сдерживаются восстанием разного рода периферий; д) универсализм сдает позиции в пользу плюрализма; а прагматизм интересов начинает господствовать над нормативизмом убеждений.

В результате достаточно стабильная и универсальная мягкая сила гегемонов биполярного мира предстает все более дифференцированной, опровергая фукуямовский тезис о конце истории. Происходит «экономизация» и локализация дискурса гибкой силы, потеря им императивного культурного измерения, когда знание правил адресатами мягкой власти перестает быть тождественно их выполнению, что в корне отличает от ситуации с двумя сверхдержавами и их сателлитами – адресатами нормативной политики. Безусловно, гибкая сила, ориентированная на идеализм и космополитизм, возможна и в условиях усиления многополярности, если она не предполагает некой социальной и культурной унификации. Это движение к более универсальным нормам, которые могут практически воплощаться в разных социальных и культурных контекстах и обстоятельствах, не отменяя значимость последних.

Культурная гегемония и универсализация политического порядка

В более радикальном варианте проблема возможности гибкой силы в глобальном мире звучит так: могут ли нормы и ценности в ее основе быть эффективны в политике сами по себе? Возможны ли в политике универсальные ценности? В области политики, в основе которой лежит конфликт различных интересов, ценност-

ные универсалии размыты более, чем в любой другой области деятельности. Более того, часто конфликты реальных интересов ложно помещаются в «упаковку» культурных конфликтов ценностей, идентичностей, цивилизаций и т. п. Здесь возникает следующая проблема: кто законодатель всеобщих ценностей? Кто способен выступать от лица человечества? Наконец, а судьи кто? История свидетельствует, что все попытки создать в политике эффективные универсалии обычно связаны с процессами концентрации и монополизации власти.

Представляется очевидным, что эффективные ценности в основе гибкой силы могут быть лишь соблазнительными, будучи основаны в первую очередь на притягательности и согласии, консенсусе социальных групп и ключевых политических акторов относительно базовых приоритетов и правил взаимодействия, на договоре (в том числе негласном) всех заинтересованных сил. Причем как внутри государств, так и на международном уровне. В настоящее время опора на ценности все более эффективна в вопросах, затрагивающих все человечество, будь то глобальное потепление, экология, борьба с эпидемиями, исчерпание природных ресурсов, голод, здравоохранение и т. п. Здесь найти взаимопонимание гораздо легче, чем в областях, где, например, сталкиваются извечные конфликтные интересы разных меньшинств; социальных классов; конкурирующих предприятий; наций-государств; различных акторов, стремящихся «откусить» от некоего общего пирога, будь то мировые рынки сбыта, государственный бюджет, экономические преференции, гранты и т. п. Естественной объединяющей платформой здесь является осознание общих угроз и общей ответственности как растущей метаценности в международных отношениях. Очевидно, что прогнозирование нынешних экологических, демографических, экономических, технологических тенденций подтверждает неизбежность осуществления многих глобальных угроз человечеству. Причем государства относительно равны перед этими проблемами, так как они касаются всех.

Однако современные международные отношения после распада относительно устойчивой биполярной системы трудно охарактеризовать иначе как «бои без правил», эпоху нового хаоса. Основная проблема заключается в том, что в такой

системе интересы глобальных нормативных акторов не превращаются в глобальную ответственность за свои действия и их последствия. Логика интересов проявляется в жесткой политике силы и волонтаристских вмешательствах в дела других стран, подкрепляемых экономическими санкциями и политическими барьерами. В итоге нарастает лишь всеобщее недоверие к ранее достигнутым договоренностям, нормам и подходам, а модели гибкой силы оказываются ограничены манипуляциями общественным мнением и плоской пропагандой национально-государственных интересов. Более того, в международных отношениях происходит явная инволюция универсалистских принципов, отказ ведущих акторов, прежде всего США, от диалога на основе всеобщих и равных норм, что катастрофически снижает потенциал гибкой силы.

Представляется, что осознание общей ответственности, общих норм и ценностей, глобальной взаимосвязи человечества предполагает своего рода моральный переворот в стратегиях гибкой силы. Осознание того, что счастье одних людей, классов, народов, регионов мира априори не может быть связано с несчастьем других, обделенных куском «общего пирога». Проблема и в том, что универсальные рецепты действующих гегемонов на практике обычно связаны с сохранением статус-кво, к которому призывает любая правящая элита, что является несправедливым в моральной перспективе тех, кто стремится изменить это статус-кво. Это походит на то, как если бы зафиксировать для всех живущих на земле уровень образования или доходов как справедливый и неизменный. Но есть дети и старики, богатые и бедные, больные и здоровые.

Либеральный консенсус, считавшийся реальным фундаментом единого нормативного пространства капиталистической миросистемы и фундирующий ценностные принципы гибкой силы ее гегемонов (Европейский Союз, США, Япония) на фоне своей ограниченной институциональной реализации вызывает все больше неприятие слаборазвитых и «неразвивающихся» стран [4, с. 216–233]. Оказалось, что Ахилл никогда не догонит черепаху, как бы медленно она не ползла. Поэтому в последнее время в «четвертом», «третьем» и бывшем «втором» мире нарастает

разочарование в надеждах на лучшее будущее, а соответственно в тех универсальных нормах, ценностях и идеях, которые оно легитимировало [9]. Более того, в условиях периодических кризисов капиталистической миросистемы зазор между декларируемыми нормативными универсалиями гибкой силы ее гегемонов и опровергающей их практикой «двойных стандартов» и «целей как средств» становится все сильнее; под слоем общественных теорий, концепций, институтов приоткрываются далекие от универсальности интересы их инициаторов [3]. С другой стороны, экономическая, политическая и культурная глобализация мира, ползучее распространение ядерного оружия, экологические проблемы и прочие угрозы не оставляют человечеству иных разумных и эффективных альтернатив, кроме движения к общим глобальным ценностям и правилам игры. Актуализируются выгоды преодоления интересов отдельных наций в пользу долгосрочных правил игры, закрепленных во всеобщих законах, институтах, ценностях. Фактически, в глобальном мире все более выигрывает и в практическом, и в символическом плане тот, кто может предлагать и институционально поддерживать правила игры не искаженные ограниченными национальными интересами. Это проекты и стратегии, в основе которых лежали бы не только экономические интересы, но и новая политическая этика, основанная на доверии, на разделяемых всеми участниками взаимодействия нормах права, морали, политики. Подобное утверждение является политическим идеализмом, но только идеалы совершенствуют политику, общество и человека, позволяя им стать чем-то лучшим, чем они являются. Более того, присоединение стран и регионов к более универсальным правилам, сулящим долгосрочные выгоды, является, несомненно, рациональным решением.

Таким образом, потенциал гибкой силы все интенсивнее связан с политикой утопии, способной либо восстановить, реконструировать универсальность либерального консенсуса, либо предложить ему равновеликую замену. В новейшей истории утопический проект альтернативного, некапиталистического Модерна, который предлагал миру СССР, был в силу разных причин отвергнут, а новой социальной утопии, дающей

надежду на лучшее будущее для большинства населения Земли, так и не появилось. В лучшем случае мы можем наблюдать локальные утопические нарративы, представленные в первую очередь разными антиглобалистскими движениями и меньшинствами. И зачастую их дискурс связан не столько с расширением возможностей для большинства, сколько с попытками перераспределения национальной и глобальной политической ренты в пользу немногих. В результате многие политические нормы позднего Модерна просто переходят в свою противоположность, обнаруживая проклятую сторону вещей, когда борьба за права сексуальных, этнических, языковых, религиозных меньшинств превращается в глобальную битву за привилегии, а экологические организации лоббируют интересы конкретных государств и ТНК. При этом само пространство политических ценностей всегда субъективно, а ценностные альтернативы обманчивы и зависят от того, кто, к кому и в каком историческом контексте их применяет. Североамериканские мятежники, принявшие в 1776 году Декларацию независимости, в случае неудачи были бы казнены властями Великобритании, но успех превратил их в отцов-основателей США.

Представляется, что пока человечество исторически, политически, экономически и культурно разрознено, абсолютизация в глобальном плане ценностно-институциональной матрицы той или иной политической общности аналогична очередному, заранее обреченному на неудачу построению Вавилонской башни. Это обстоятельство накладывает довольно жесткие ограничения на потенциал гибкой силы любых политических субъектов. Любая ценность или норма является символом веры лишь для тех, кто ее разделяет или подчиняется ей. А вера есть нечто самоочевидное, не нуждающееся в доказательстве. Например, самоочевидные для ареала Просвещения ценности свободы, демократии, частной собственности, индивидуализма, конкуренции часто теряют свою «самоочевидную» смысловую и ценностную нагрузку вне этого ареала. А с ней и способность к функции объяснения политики, легитимации существующих в ней норм, практик и институтов.

Как правило, алиби международных субъектов гибкой силы предполагает, что пропаган-

дируемые нормы уже успешно реализованы в местах их возникновения, прекрасное будущее уже существует в настоящем, подтверждая свою доступность. При этом теория транзита имеет явный «прогрессорский» подтекст, причем «золотой век» в ней предельно приземлен и материализован топологически, как бы это ни скрывалось, в виде стран «первого мира». В силу этого гибкая сила гегемонов неизбежно приобретает черты мессианства, нетерпимости, дидактизма, обращаясь к анализу любого общества-адресата с заранее заданным шаблоном. Но если в масштабе отдельных государств большинство граждан не питает иллюзий, что все бедные смогут в результате «индивидуальной модернизации» приблизиться к богатым, то в отношении богатых и бедных стран эта иллюзия сохраняется. Здесь стратегия гегемонистской гибкой силы в отношении остального мира является все той же старой традицией «просвещения» туземцев и варваров, чье настоящее рассматривается цивилизаторами как собственное прошлое. Этот подход не изменился с колониальных времен, даже будучи упакован в риторику общечеловеческих ценностей, демократии, множественной модерности и теории модернизации. Целые регионы мира превращаются в лишенные уникальности объекты, нуждающиеся в прогрессорстве – применении неких универсальных норм, призванных направить их на магистральный путь прогресса, сделать их «современными». Однако политические нормы изначально соотнесены с легитимацией и реализацией чьих-то интересов. Например, всегда трудно определить, являются ли жесткие экологические стандарты способом защиты окружающей среды или легендой для отсекающих лишние конкурентов с внутренних рынков; милитаризация проводится для реальной защиты государства или же в экономических интересах ВПК; помощь слаборазвитым странам диктуется альтруизмом или преследует цели их институционального встраивания в рынки сбыта и т. п.

Таким образом, гибкая сила, превращенная в прогрессорство, лишается своей эффективности, так как ни теория модернизации, ни демократизация, ни либерализация не заработают, если они механически трансплантируются извне. Более того, возможно ли прогрессорство как та-

ковое, применимое не к воспитанию отдельного человека, но к самой истории, к целым народам и континентам? Представляется, что прогрессор может эффективно повлиять лишь на того, кто уже готов к восприятию новых ценностей, институтов, практик. Однако в таком случае объект прогрессорства рано или поздно достиг бы своих целей и без посторонней помощи.

Современная Россия как субъект гибкой силы: пример регрессора

Евразийское пространство в пределах границ СССР в своей долгой истории объединялось в двух формах – империи и советской федерации. Российская империя была довольно гибким и долгосрочным образованием, хотя не смогла решить задач модернизации и преодоления исторической неодновременности своих составных частей.

СССР оказался неустойчивым, асимметричным политическим компромиссом российского центра и этнических окраин, который разрешился закономерным распадом. Однако его потенциал гибкой силы впервые оказался глобальным, охватывая полмира при несоизмеримо меньших военно-политических и экономических возможностях, чем у геополитического противника.

СНГ, пришедшее на смену СССР, изначально не существовало как политическое образование. В СНГ существуют только центробежные силы, а эффективными всегда оказывались лишь двусторонние связи. За постсоветский период так и не была выработана стратегия российской гибкой силы в рамках СНГ, предполагающая реальный механизм восстановления экономических, культурных, политических связей хотя бы ядра славянских стран – России, Белоруссии и Украины. В результате все взаимодействия протекают как ситуативный торг за экономические преференции в обмен на лояльность, имея краткосрочный и ни к чему не обязывающий стороны эффект, как показывает постоянный газовый конфликт Украины и России. Более того, большинство стран СНГ не имеют реального политического суверенитета, являясь странами-лимитрофами, пограничными зонами. Таковы, например, новые государства Центральной Азии, находящиеся в зоне притяжения с одной стороны России, с другой – Китая и ряда ис-

ламских государств, таких как Турция и Иран. Белоруссия вслед за Прибалтикой и Украиной тяготеет к Евросоюзу. Формально являясь независимыми государствами, они в своей политике фундаментально зависят от внешних факторов, находясь в орбите влияния крупных международных игроков. Базовые принципы существования этих политических режимов часто определяются не их властными элитами, а внешними силами.

Элиты стран СНГ, получив «случайный» и неожиданный суверенитет, не могут сформулировать долгосрочные политические и национальные интересы своих государств, зачастую путая их с собственными интересами. Соответственно условия для выработки гибкой силы в условиях ситуативного прагматизма как основы поведения элит отсутствуют. Их основные задачи связаны с выработкой нового национализма – общей национальной идентичности во внутренней повестке дня, позволяющей удержать новые постсоветские государства от распада. Ресурсы для гибкой силы здесь просто отсутствуют. В данном контексте цикл переворотов внутри властных элит, связанных с переделом сфер влияния в Украине, Грузии, Кыргызстане, нельзя назвать революциями, поскольку последние предполагают активное участие народа в своей судьбе и фундаментальные политические перемены, которые нигде в СНГ по результатам оранжевых революций не состоялись. Аналогична ситуация и с «арабской весной» как циклом общественных потрясений в Тунисе, Египте, Ливии, Алжире, и ряде других стран Арабского Востока, которые будучи начаты как революционные модернизации, по своим результатам привели к выигрышу традиционалистов и реакционеров [7].

Гибкая сила порождается не только политической субъектностью гегемона, но и ее устремленностью в лучшее будущее, в которое могли бы быть вовлечены и другие участники. Российские трудности с гибкой силой даже в отношении собственной политической периферии – постсоветского пространства – обусловлены доминированием попыток паллиативной опоры элит на идеологизированную историю, которая давно была отвергнута настоящим: «отсутствие собственного исторического проекта, через осуществление которого могла бы реализовываться

политическая субъективность, компенсируется за счет паразитирования на прошлом. В этом смысле активизация исторической политики есть симптом исчезновения политического, когда вопрос о политической идентичности переформулируется как вопрос о принадлежности к исторической традиции. Вопрос о политической субъективации индивида или сообщества снимается через обращение к «генному коду» [10, с. 197].

Представляется, что нынешним российским элитам, пытающимся сформулировать свою стратегию гибкой силы, можно разыграть один из трех возможных сценариев, связанных с нарастающей онтологической дискредитацией либерального консенсуса в основе капиталистической миротворческой системы. Осложняет реализацию каждого из этих сценариев тот факт, что если властная элита и государство в российской истории являлись традиционно доминирующими и едва ли не единственными реальными нормативными прогрессорами, то в последние годы российский политический порядок сохраняется скорее посредством антимонополистского консенсуса элит и бюджетно зависимого населения [12]. В результате пространство социальных утопий, дискурс будущего фактически передается государством и властными элитами в пользу новых прогрессорских групп, прежде всего городского среднего класса, концентрирующего во внутренней политике элементы эффективной гибкой силы.

Итак, первый сценарий – объявить переходный постсоветский период и легитимирующие его «реформы» завершенными. Тогда политический режим должен придумать себе новые легитимирующие, нормативные основания. Однако за четверть века так и не был осуществлен прорыв к более универсальным институтам, ценностям, стандартам, в масс-медиа и на выборах продолжает доминировать дискурс прошлого, подменяющий настоящее [11]. Вместе с тем признавать свое истинное положение в миротворческой системе, связанное с потерей гегемонии, процессами периферизации экономики и регрессивной, неотрадиционалистской инволюции политического режима не хочется, чтобы не растерять остатки символического капитала, требуемого для гибкой силы. В результате элитами предпринимаются сомнительные попытки популяризации новых легитимирующих

понятий, например, «суверенной демократии» или «сырьевой сверхдержавы». Однако суверенная демократия является не более чем правопреемником «социалистической демократии», будучи призвана доказать, что именно российская демократия «самая демократичная» в мире. А сверхдержава вряд ли может быть в постиндустриальном мире сырьевой. Осуществляется все более опасная игра и на поле национализма, представляющего опасный локальный нарратив, делящих на «своичужие» и вызывающий за пределами постсоветских стран лишь очевидное отторжение [1]. Инвариантом этого сценария является идея о том, что демократия для России не слишком нужна и неэффективна, а демократий без изъянов нет нигде в мире. Поэтому необходим возврат к традиционному и надежному «духовным скрепам». В которые, впрочем, вряд ли верят и сами их пропагандисты, действующие в современной экономической и политической логике. Здесь очевиден тот факт, что российский периферийный капитализм «не смог выработать собственного социального капитала, способного обрести современный облик» [20, с. 126]. А эффективный социальный капитал является базовой основой любой модели гибкой силы в позднемодечном мире.

Второй сценарий, осуществляемый российскими элитами в реальности, – симуляция модернизации, попытка сделать ее перманентным ценностным основанием российской политики. Здесь предполагается, что нормативные основы демократии и рыночной экономики в России в целом реализованы, но нуждаются в периодическом «ремонте», «оптимизации» и «наладке» с учетом особенного климата, истории, культуры. Соответственно, если ждать неопределенный период времени и терпеть наличные неудобства, то в результате бесконечных реформ и борьбы с коррупцией все же рано или поздно наступит «идеальная демократия», заработают «совершенный рынок» и «эффективные институты».

Третий сценарий, который не может быть реализован в силу своей радикальности, заключается в отказе от попыток адаптации России к внешней глобальной иерархии, нормативной повестке и сложившимся институциональным взаимодействиям. Это вариант: а) полной или частичной автаркии, б) создания новой империи,

либо в) попытки создания альтернативного ядра миросистемы, хотя для последнего Россия в отличие от СССР уже не располагает достаточными ресурсами. Эти варианты нереализуемы по одной простой причине: внешний мир в настоящее время нужен России гораздо больше, чем она ему. Если доля импорта в СССР составляла 3–5% от товарооборота, то в 2010-е годы он возрос до 42–44%. Современная Россия не может полноценно существовать без высокотехнологичных товаров – международных платежных систем, Интернета, оборудования, компьютеров, сотовых телефонов почти полностью поставляемых из-за рубежа. Под угрозой даже продовольственная безопасность, так как доля импорта продовольственных товаров в 2013 году составляла 36% [6], в том числе сыры 47,8%, говядина 62,4%, лекарства 69,1% [18]. Поэтому глобальные гегемоны могут применить к России болезненные экономические санкции, а Россия нет, так как поставяет не уникальные товары, которые могут быть заменены другими поставщиками сырья.

Заключение: ресурсы гибкой силы в позднем капитализме

Историческая эволюция современных обществ ведет к расширению индивидуальной автономии граждан, росту пространств доверия и рыночных обменов, изменению норм и ценностей социального взаимодействия, воплощаемых в общественных институтах. Ситуация позднего капитализма актуализирует в обществах-гегемонах капиталистической миросистемы внеэкономические аспекты и жесткой, и гибкой силы, связанные с накопленным социальным капиталом (доступ к публичным благам, гарантированные права и свободы граждан, образование, развитая инфраструктура и пр.). Исследователи отмечают рост значения постматериальных ценностей самовыражения в основе индивидуальных и групповых стратегий обществ позднего или глобального Модерна [8]. В результате многие политические изменения вполне объяснимы неполитическими факторами. Например, расширение политической формы современной демократии может быть объяснено не только и не столько приверженностью общества определенному институционально-идеологическому комплексу, но и являться стати-

стически подтверждаемым следствием фоновых процессов урбанизации, преодоления безграмотности, снижения рождаемости и экономической модернизации [17].

В работе нобелевского лауреата Д. Норта и его соавторов [15] высказывается продуктивная мысль о потенциале глобального перехода человечества к обществу «открытого доступа», которое характеризуется новыми внеэкономическими свойствами: а) пониманием права не только как правил, но и как ценности, б) способностью к решениям на основе договора (компромисса) и в) долгим взглядом – оценкой последствий актуальных действий в долговременной перспективе.

В данном контексте действительный успех в условиях глобальной мироэкономики может быть связан не столько с продвижением интересов политических наций, сколько с усилиями всех государств по транснационализации любых коммуникаций. Все народы могут выиграть, постепенно доверяя суверенитет транснациональным институтам и нормам, ставя их выше национальных. Этот процесс предполагает рост доверия, осознания региональными и национальными элитами долговременных и всеобщих целей человечества, достигнуть которые можно только сообща, а не за счет друг друга. Отчасти современным образцом подобного встречного движения наций, враждовавших всю свою историю, является Европа и ее регионы. Именно подобные цели являются морально оправданными и легитимируют средства гибкой силы.

Более того, в условиях раннеиндустриального Модерна ключевым прогрессором, аккумулирующим необходимые институциональные и ценностные ресурсы развития, особенно в условиях авторитарной модернизации, выступает государство. Однако в условиях глобализации национальные политические элиты все более теряют монополию на модернизацию, прогресс и факторы развития. Благодаря росту автономии, социального капитала граждан и эффективности социальных сетей потенциальным субъектом общественного развития становится каждый человек. Поэтому гибкая сила в глобальном мире может эффективно осуществляться лишь при вовлечении ресурса всего общества. Усилий элит даже постиндустриальных обществ становится недостаточно для про-

движения культурной гегемонии и формирования привлекательного образа нации для внутреннего и внешнего адресата. Каждый участник, каждый гражданин политического сообщества превращается в агента, способного внести ощутимый вклад в потенциал гибкой силы того общества, которое он представляет. Множественное прямое взаимодействие на социальном микроуровне, в социальных сетях теперь имеет возможности привести к более эффективным результатам, чем любая официальная государственная пропаганда, а тем более вопреки последней.

Представляется, что эффективная гибкая сила современной России может быть только продолжением стратегии универсализирующей утопии, ориентированной не только на собственных граждан, но и предлагающей космополитические правила общежития в глобальном мире. Это желаемый образ глобального общественного договора, являющийся по своей сути идеалистическим проектом. Да, вся привычная жесткая политика зиждется на отсроченном насилии [2]. Однако самая искусная и эффективная политика, способная достигать долгосрочных и фундаментальных целей, – это политика, основанная на ценностях, убеждениях, культуре, идеологиях и утопиях, то есть на ресурсах гибкой, мягкой силы и умной власти (smart power) [16]. Политика, основанная не на страхе и угрозе наказания посредством легальных институтов насилия, а политика, апеллирующая к ценностям и неизменным законам. Именно дефицит такой нормативной политики, ориентированной на долгосрочные цели можно наблюдать в мировой и российской политике. Пока же в России федеральный центр элементарно путает достигнутый консенсус правящих элит с общенародным согласием. И заставить нынешние элиты думать о ресурсах гибкой силы может только масштабная катастрофа: либо природный катаклизм, либо конец нефтяного благоденствия, либо массовые протесты населения, либо внешняя экспансия. И все эти предельные условия в среднесрочной перспективе практически неосуществимы.

1. Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» [Текст] / В.А. Ачкасов // Символическая политика.

Сборник научных трудов. Отв. ред. Малинова О.Ю. Выпуск 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 126–148.

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 2000. 387 с.

3. Булипопова Е.В. Причины и предпосылки появления термина «двойные стандарты» в политическом дискурсивном пространстве [Текст] / Е.В. Булипопова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2010. Вып. 10. С. 346–354.

4. Валлерстайн И. Крах либерализма [Текст] / И. Валлерстайн // После либерализма. М.: Едиториал УРСС. 2003. С. 216–233.

5. Грамши А. Формирование интеллигенции [Текст] / А. Грамши // Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М.: Политиздат. 1991. 560 с.

6. Доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами (Российская Федерация). [Электронный документ]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=37164&referrerType=0&eferrerId=1293314> (дата обращения 17.07.2014).

7. Иванова Е.А. Политическая модернизация Арабского Востока: между государством и консервативной революцией [Текст] / Е.А. Иванова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2011. Вып. 11. С. 419–433.

8. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. 2011. 464 с.

9. Иноземцев В. Маленькие страны в большой политике [Текст] / В. Иноземцев // Свободная мысль. 2006. № 6. С. 83–97.

10. Калинин И. Нехватка политической субъективности, или исторический photoshopping [Текст] / И. Калинин // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. С. 192–203.

11. Киселев К.В. Дискурс прошлого в электоральной риторике: к постановке проблемы [Текст] / К.В. Киселев // Символическая политика. Сборник научных трудов. Отв. ред. Малинова О.Ю. Выпуск 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 175–181.

12. Мартыанов В.С. Глобальный модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России [Текст] / В.С. Мартыанов // Полис: Политические исследования. 2014. № 1. С. 83–98.

13. Мартыанов В.С. Один Модерн или множество? [Текст] / В.С. Мартыанов // Полис: Политические исследования. 2010. № 6. С. 41–53.

14. Най Дж. Гибкая сила: как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд. 2006. 397 с.

15. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.

16. Русакова О.Ф., Ковалева Д.М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ [Текст] / О.Ф. Русакова, Д.М. Ковалева // Социум и власть. 2013. № 3. С. 15–19.

17. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М. Международные отношения. 2004. 240 с.

18. Торговля в России. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 511 с.

19. Фишман Л.Г. А теперь добродетель! [Текст] / Л.Г. Фишман // Полития. 2012. № 2. С. 89–97.

20. Фишман Л.Г. Поможет ли «духовность» российскому капитализму? [Текст] / Л.Г. Фишман // Полития. 2013. № 2. С. 119–128.

21. Эйзенштадт Ш. Современная глобализация, гегемонии и трансформация национальных государств. [Электронный документ]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Sovremennaya>

globalizaciya-gegemonii-i-transformaciya-nacional-nyh-gosudarstv (дата обращения 17.07.2014).

1. Achkasov V.A. Rol' politicheskix i intellektual'nyx e'lit postkommunisticheskix gosudarstv v proizvodstve «politiki pamyati» [Tekst] / V.A. Achkasov // Simvolicheskaya politika. Sbornik nauchnyx trudov. Otv. red. Malinova O.Yu. Vypusk 1. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. S. 126–148.
2. Bodriyar Zh. Simvolicheskij obmen i smert'. M.: Dobrosvet. 2000. 387 s.
3. Bulipopova E.V. Prichiny i predposylki poyavleniya termina «dvojnye standarty» v politicheskom diskursivnom prostranstve [Tekst] / E.V. Bulipopova // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2010. Vyp. 10. S. 346–354.
4. Vallerstajin I. Krax liberalizma [Tekst] / I. Vallerstajin // Posle liberalizma. M.: Editorial URSS. 2003. S. 216–233.
5. Gramshi A. Formirovaniye intelligencii [Tekst] / A. Gramshi // Tyuremnye tetrady. V 3 ch. Ch. 1. M.: Politizdat. 1991. 560 s.
6. Dolya importnyx prodovol'stvennyx tovarov v tovarnyx resursax roznichnoj trgovli prodovol'stvennyimi tovarami (Rossijskaya Federaciya). [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=37164&referrerType=0&referrerId=1293314> (дата обрaщения 17.07.2014).
7. Ivanova E.A. Politicheskaya modernizaciya Arabskogo Vostoka: mezhdunarodnoye gosudarstvom i konservativnoj revolyucii [Tekst] / E.A. Ivanova // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2011. Vyp. 11. S. 419–433.
8. Inglehart R., Welzel K. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. M.: Novoe izdatel'stvo. 2011. 464 s.
9. Inozemcev V. Malen'kie strany v bol'shoj politike [Tekst] / V. Inozemcev // Svobodnaya mysl'. 2006. № 6. S. 83–97.
10. Kalinin I. Nexvatka politicheskoy sub'ektivnosti, ili istoricheskij photoshopping [Tekst] / I. Kalinin // Neprikosnovennyj

zapas. 2013. № 1. S. 192–203.

11. Kiselev K.V. Diskurs proshlogo v e'lektoral'noj ritorike: k postanovke problemy [Tekst] / K.V. Kiselev // Simvolicheskaya politika. Sbornik nauchnyx trudov. Otv. red. Malinova O.Yu. Vypusk 1. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. S. 175–181.
12. Mart'yanov V.S. Global'nyj modern, postmaterial'nye cennosti i periferijnyj kapitalizm v Rossii [Tekst] / V.S. Mart'yanov // Polis: Politicheskie issledovaniya. 2014. № 1. S. 83–98.
13. Mart'yanov V.S. Odin Modern ili mnozhestvo? [Tekst] / V.S. Mart'yanov // Polis: Politicheskie issledovaniya. 2010. № 6. S. 41–53.
14. Naj Dzh. Gibkaya sila: kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike. M.: Trend. 2006. 397 s.
15. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.
16. Rusakova O.F., Kovaleva D.M. «Myagkaya sila» i «umnaya vlast'»: konceptual'nyj analiz [Tekst] / O.F. Rusakova, D.M. Kovaleva // Socium i vlast'. 2013. № 3. S. 15–19.
17. Todd E'. Posle imperii. Pax Americana – nachalo konca. M. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2004. 240 s.
18. Torgovlya v Rossii. 2013. Stat. sb. / Rosstat. M., 2013. 511 s.
19. Fishman L.G. A teper' dobrodetel'! [Tekst] / L.G. Fishan // Politiya. 2012. № 2. S. 89–97.
20. Fishman L.G. Pomozhet li «duxovnost'» rossijskomu kapitalizmu? [Tekst] / L.G. Fishman // Politiya. 2013. № 2. S. 119–128.
21. E'jzenshtadt Sh. Sovremennaya globalizaciya, gegemonii i transformaciya nacional'nyx gosudarstv. [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Sovremennaya-globalizaciya-gegemonii-i-transformaciya-nacional-nyh-gosudarstv> (дата обрaщения 17.07.2014).

SOFT HEGEMONY: WEAK PROGRESSOR LEGITIMATING

Martianov Victor Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
PhD, Academic secretary,
E-mail: martianovy@rambler.ru

Annotation

Soft power concept presents reincarnation of Gramshian theory of cultural hegemony attached not to nations, but to global political order. Here soft power is a form of soft hegemony aimed to cultural promotion and legitimating of hard political interests. It is proposed that soft power concept in a global world is a way of compensation, that is too often symbolic and rhetorical, of declining of the economic and political strength of the world and regional hegemony.

Key words:

soft power, cultural hegemony, symbolic politics, progressor, multipolarity.

СИМВОЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕСУРС «SOFT POWER»

Капицын Владимир Михайлович,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Кафедра сравнительной политологии,
Доктор политических наук, профессор,
г. Москва, Россия,
E-mail: kapizin@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает национальную идентичность как модель коллективного сознания, интегрирующую знаки и символы в единое смысловое пространство общества. Автор операционализирует понятия «символы», «национальная идентичность», «мягкая сила».

Ключевые слова:

мягкая сила, знаки, символы, национальная идентичность, жизненные сферы.

В коммуникации важнейшую роль играют символы. Последние представляют собой коммуникационную модель. Она помогает «переплавлять» идеи и образы, создаваемые TV (другими дискурсивными «площадками») в когниции индивидуального (коллективного) сознания, а также интегрировать их в единое смысловое пространство общества. В мировом и национальном развитии повышается роль нематериальных факторов, что, в свою очередь, подогревает интерес к исследованию роли идентичностей и символов [1; 14].

Автор ставит цель операционализовать понятие «символы» и «идентичности», показать механизм формирования символов национальной идентичности, играющих роль ресурса «мягкой силы». В понимании «мягкой силы» выделяется ее влияние во внутренней и внешней политике, рассматривается использование символов «своей» национальной идентичности для консолидации общества и нейтрализации влияния внешней soft power. Для таких исследований большое значение имеют конструктивизм и теория идентификации, политическая семиотика, исследования постмодернизма [2; 10].

Soft power рассматривается обычно как побуждение других делать то, что нужно актору, без применения прямого насилия. В ЕС «soft power» переводится как «собранный, скоординированный

сила»; в Китае говорят о «мудрой силе» [11]. Дж. Маттерн видит в soft power «репрезентационную силу» – «форму власти, оперирующую через посредство используемой говорящим структуры нарративного представления действительности» [15].

Национальная идентичность проявляется, прежде всего, в символах. Символ – знак, связь которого со своим референтом ослабляется под влиянием доминирующей интерпретации. Символы и идентичности включаются в качестве элементов в состав «мягкой силы», призванной влиять интегрирующим образом на политическую культуру, способствовать консолидации собственного общества, а также ослаблять дезинтегрирующее воздействие внешней soft power.

Символы национальной идентичности опираются на эмоционально окрашенные образы конкретных (локальных) сообществ. Для малых народов, местных территориальных сообществ основой становления символов этнической (местной, региональной) идентичности являются ландшафты, памятники природы, размеры территории, предметы быта, памятники духовной культуры, трудовые достижения и т.п. Для некоторых народов в небольших по территории государствах символы этнической идентичности сливаются с национально-государственной идентичностью,